

Виктор Валентинович ИВАНЕНКО

Вице-президент Фонда развития парламентаризма в России.

Окончил Тюменский индустриальный институт по специальности «инженер-электрик» в 1970 г. и Высшие курсы КГБ СССР, генерал-майор запаса; с 1970 г. работал в управлении КГБ по Тюменской области; с 1986 г. по 1991 г. был старшим инспектором, начальником отдела, заместителем начальника инспекторского управления КГБ СССР; с мая 1991 г. по январь 1992 г. – председатель КГБ РСФСР – министр РСФСР; с 26 ноября 1991 г. по 15 января 1992 г. – Генеральный директор Агентства федеральной безопасности РСФСР – министр РСФСР; с 1993 г. по 1998 г. – вице-президент АО «Нефтяная компания «ЮКОС»; член Политсовета Общероссийской политической общественной организации «Отечество».

Награжден орденом Красной Звезды, 6 медалями; член Совета по внешней и оборонной политике, член Московского Английского клуба; женат, имеет троих дочерей.

Виктор ИВАНЕНКО:

«СВОЮ ПРАВОТУ ДОКАЗЫВАЛ ДЕЛАМИ»

– Виктор Валентинович, у Вас яркая и насыщенная событиями биография, из нее трудно вычленишь какие-то отдельные фрагменты, а что бы Вы сами выделили из наиболее запомнившегося в жизни? Вы ведь, насколько я знаю, родом из Тюменской области?

– Совершенно верно. Я родился на юге Тюменской области в Ишимском районе, на полпути между Тюменью и Омском есть такая деревушка – Кольцовка. Родился в простой деревенской семье. Отец – фронтовик. Придя с войны, окончил курсы агрономов, работал в колхозе, затем в совхозе. Чуть позднее вошел в сельскую элиту, занимал какие-то начальственные должности, одно время был даже секретарем парткома совхоза. Потом, когда здоровье стало сдавать, – сказались фронтовые раны, – был секретарем сельского совета. Мать всю жизнь проработала в детском саду, яслях, всю сельскую ребятню на руках переносила. Есть еще две младшие сестры, я ведь в семье из детей старший был.

Из детских воспоминаний самые яркие – это время сенокоса или покоса, как говорили в деревне. Все сенокосные спе-

циальности последовательно мной были освоены. После первых двух классов полагалось отработать несколько лет колхозником. Выдали мне лошадь, как сейчас помню, Мухортиком звали, и там, где сено граблями собирают, раскладывают его тебе на волокушу, а ты эту волокушу должен подвозить к зароду, где мужики складывали стог. Работа довольно тяжелая, потому что лошадь постоянно заедаются комары, слепни, она спокойно на месте не стоит, переступает через постромки, да и тебя самого напропалую жалят. А бабы деревенские, которые нагружают сено на волокушу, ругаются, что ты неумеха. Порой чуть до слез не доходило. Вот ведь нелегкое было время, а о нем по-своему яркие воспоминания остались. На неделю в ночное уезжали. Играли в мужские игры на свежем воздухе.

У нас в деревне десятилетки не было, среднюю школу я оканчивал в г. Ишиме. За что я благодарен ишимской школе, так это за приобщение к спорту – хорошие физруки у нас были. Впервые я там начал активно заниматься и легкой атлетикой – бегом на средние дистанции, и волейболом. Я вообще считаю, что мужик без хобби просто бедный человек. Помню 9 мая

1965 года бежали мы по улицам Ишима эстафету, посвященную 20-летию со Дня Победы, – я тогда уже в выпускном классе учился, – и отставали, шли где-то на 4-м месте. Свой этап – 1 500 метров я из последних сил, «на зубах» вытащил, придя вторым, отстав от парня, бежавшего впереди, всего на четыре метра. А на следующих этапах наши ребята догнали и обошли лидеров. Ах, какое торжество, какое счастье было от этой победы!

Так как я мечтал стать летчиком, то после школы поехал поступать в Оренбургское летное училище, которое в свое время Ю. Гагарин оканчивал. Но не прошел медкомиссию и после возвращения, под влиянием друзей, подал документы в Тюменский индустриальный институт на электротехнический факультет. Специальность выбрал – «автоматика и телемеханика». Тюмень – это счастливая студенческая пора. После первого же курса я подбил всю свою группу записаться в студенческий строительный отряд. Я родом из деревни, поэтому и топором, и пилой работать умел, да и бензопила для меня загадки не представляла. В то время между Сургутом и Нижневартовском только-только начиналось строительство

железнодорожной и было необходимо сделать под нее просеку. Поехали, отработали лето, накормили комаров, получили кучу денег. Там впервые я и со своей будущей женой познакомился.

Мы не только вели просеку под железную дорогу, но и бетонные работы в г. Сургуте под пятиэтажки. А через год поехали на строительство домов из бруса в Кондинский район, там Южно-Кондинский леспромхоз разворачивался и ему нужен был поселок. И вот тут, после второго стройотряда, собрался комитет комсомола и решил: «Нужна комсомольская свадьба». Ну, а поскольку я со своей будущей женой дружил долго, и эта дружба была у всех на виду, постановили, что будут рекомендовать нас. Поехали в ЗАГС, подали заявление. Ректор обещал комнату в общежитии, но своего обещания так и не выполнил. Пришлось снимать квартиры. На третьем курсе, под вторую сессию, родилась первая дочь – «дитя стройотряда», как я ее называл. Она потом поступила в тот же индустриальный институт, на тот же факультет, и ровно через двадцать лет после меня окончила его. Вышла замуж, сейчас живет в Тюмени. А тогда мы с женой решили не брать академический отпуск, учились так: я в первую смену, она – во вторую, сначала она посидит с дочкой, потом я.

А на 5 курсе, поскольку, как понимаю, я был на виду, меня вызвал декан факультета – Александр Петрович Николаев, очень уважаемый мной до сих пор человек, и говорит: «Приходили из Управления КГБ, интересовались кого бы взять на службу, я тебя рекомендовал, как ты смотришь на это?». Я растерялся. С одной стороны, работа очень таинственная, ореол романтики присутствует, а с другой – об этой службе все время какие-то слухи-пугала ходят. А так как я на специальность инженера-электрика, надо прямо сказать, попал случайно, то посидел, прикинул: всю жизнь париться в электриках что ли? Тоска, честно говоря. Не по моему характеру. Решил дать согласие. В Управлении КГБ, когда узнали, что у меня первый разряд по волейболу, меня туда взяли без спецпроверки, потому что у них летом предстояла матчевая встреча с коллегами из Кургана. Команда у них была уже

возрастная и я, молодой, должен был усилить ее. Соревнования мы выиграли. Потом стали меня проверять и тут выяснилось, что дед у меня оказался баптистом, то есть меня с учетом этого компромата никогда при других обстоятельствах не взяли бы. Но поскольку мне уже выдали удостоверение и допустили к работе, то ушло: «Ладно, бог с ним!»

Работа не то чтобы мне тут же понравилась, но вызвала с самого начала уважение. Может быть, потому что попал на такой участок работы, где можно было видеть конкретный результат. Я сразу стал работать на канале выезда советских граждан за границу. С этим все сталкивались. Наверняка помните: всегда приходил чекист и читал лекцию о политической бдительности. Естественно, это была лишь одна из моих функций – читать лекции, пугать всех происками империалистических разведок, чтобы письма не перевозили и не знакомились со случайными людьми. Ну, а в принципе, вели дела на зарубежные фирмы, на турфирмы, на иностранцев, которые часто подходили к нашим, то есть противника, я вам прямо скажу, мы чувствовали всегда. Конечно, приходилось вербовать и агентуру, что является обычной практикой оперативно-розыскной деятельности. У меня были хорошие учителя, ветераны, прошедшие войну, в том числе и в партизанских отрядах. Многие работали в СМЕРШе, но не в том, который уничтожал предателей, а где действительно занимались оперативными играми с противником. Некоторые из них участвовали в подавлении бандитского подполья на Западной Украине, в Прибалтике. У них накопился просто уникальный опыт именно агентурно-оперативной работы, особенно в части применения нестандартных ходов. Я просто заслушивался, когда в кабинете после работы внимал их рассказам. Многому у них научился, появились и у меня результаты. Я быстренько пошел в гору и вскоре стал старшим оперуполномоченным, может быть, потому что пришел из молодого поколения одним из первых. В органах КГБ как раз шла смена поколений. Потом встал вопрос: надо ехать на самостоятельную работу на север Тюменской области – начальником горотдела. А это очень большое повышение.

Так вот, поехали мы на Север, к тому времени уже вторая дочь родилась. Воспоминания, связанные с Нижневартовском, наверное, самые яркие – это нефтяной бум, это Самотлор, который в год давал прироста по 32 млн. тонн нефти. Страна не жалела денег. Не проходило ни одного месяца, чтобы какой-нибудь член Политбюро или, как мы говорили, «охраняемое лицо» не прибыло бы к нам. Но при всем при том отношения там были очень простые.

Избрали меня членом горкома партии, я всегда присутствовал на заседаниях бюро. Постепенно утвердился. А вначале никто не хотел признавать: ну, приехал там какой-то пацан, подумаешь. Тень-то Лаврентия Павловича, конечно, тоже витала, но у людей северных страха уже не было. Приходилось доказывать делами, конкретными аргументами зачем я здесь нужен. Обстановка на нефтяных объектах, сами понимаете, взрывоопасная, да все это еще при низком качестве строительства, нарушении правил эксплуатации. А ведь с точки зрения ущерба для страны безразницы: по халатности взрыв допущен или это диверсия. Мы начали закручивать гайки, нас поддержали партийные органы. Вот на этом я себе там приличней авторитет заработал. Второе направление работы – это тот же канал выезда наших граждан за рубеж в командировки, да все те же иностранцы. К нам приезжали дипломаты – установленные разведчики, и тут уж работа шла серьезная. И третье направление, – причем весьма актуальное, –

С маршалом авиации Е. Шапошниковым

предупреждение массовых беспорядков. К примеру, в одном общежитии жили 400 человек таджиков, которые приехали туда по найму, а в другом – украинцы. И вот кто-то кого-то на танцах ножом пырнул: общежитие встает и идет бить второе общежитие. Тут появляется неразумный милиционер, палит из пистолета в воздух, а те говорят что он кого-то убил и идут громить здание отдела внутренних дел. Вот таких несколько предпосылок в Нижневартовске мне удалось предотвратить. Представляете, да? Как это встать перед или между двумя разъяренными толпами, да еще подогретыми спиртным? Существовала определенная методика действий на сей счет, иногда даже пожарных вызывали, но Бог миловал – ни одного факта массовых

Бывшие противники-коллеги преподнесли в подарок сувенир – агентурную радиостанцию ЦРУ-51 года

беспорядков не было. А вот чрезвычайные происшествия случались: довелось на нефтяных объектах и трупы обгорелые вытаскивать, и самолеты с вертолетами падали. Приходилось вникать в массу технических тонкостей, где, безусловно, мне пригодилось инженерное образование. Вот так и прошли пять лет в Нижневартовске.

Там, на Севере, я приобрел второе хобби – увлекся охотой. В этих местах дичи просто море. К тому же, время было голодное – 76-й год. Я помню в магазинах мяса – шаром покати. Возьмешь лицензию на лося, забьешь, и весь отдел кормится до марта месяца лосятиной. Если угодно – это была школа выживания.

Потом меня вернули в Тюмень с повышением. Славные мероприятия, прямо скажем, мы тогда проводили, за многие получал грамоты, за одно из них по линии разведки даже наградили орденом Красной звезды.

– За что секрет?

– Скажем так: за получение ценной разведывательной информации. Что дальше? Периодически приезжали кураторы из Москвы из центрального аппарата КГБ, заметили меня – молодой мол, перспективный. Вызвали в ЦК партии в отдел административных органов, побеседовали, и я попал в резерв. К этому времени я уже 16 лет отработал – был заместителем начальника областного управления КГБ, подполковником. В 1986 году мне сказали: «Поедете в Москву на должность старшего инспектора инспекторского управления КГБ СССР, будете курировать органы КГБ Дальнего Востока». Ну, что ж, ехать так ехать. Переехали. Слава Богу через семь месяцев дали квартиру в Москве. По тем временам это было большое событие. В семье росла уже третья дочь. Москву я тогда мало видел, так как практически не вылезал из командировок. Две-три недели командировка, приезжаешь – отписываешься, и снова в дорогу. В этом была своя прелесть: встречи с новыми людьми, посещение различных объектов, масса впечатлений. Я перебивал на всех заводах по производству атомных подводных лодок, на авиационных заводах, видел гейзеры на Камчатке, был на рыболовецких сейнерах на Сахалине.

Осенью 90-го года я познакомился с С. Степашкиным, он тогда был народным депутатом Верховного Совета РФ и возглавлял комитет по обороне и безопасности. С ним мы начали обсуждать, обкатывать идею создания КГБ России, потому что во всех союзных республиках были органы КГБ, а в России нет, только союзные. Тем более что все шло к тому, что начал утверждаться российский суверенитет, правительство Российской Федерации стало все больше и больше заирать себе полномочий. Было видно, что союзное руководство не совсем адекватно понимает, что происходит, а дело двигалось к смене строя. Это мы давно поняли из поездок по стране. Сама экономическая система, экономический уклад стали совершенно бесперспективны, поэтому я очень легко рас-

стался с коммунистическими иллюзиями. Степашкин познакомил меня сначала с Д.Волкогоновым, потом с Г.Бурбулисом, затем меня принял Б.Ельцин, и мы начали работать над концепцией создания КГБ России. Со своей стороны я эту идею продвинул Крючкову, но уже под соусом умения работать в условиях демократии, дескать, и нам надо тоже меняться. Крючков эту наживку проглотил: «Давайте, давайте, надо идти навстречу российскому руководству, конфронтация здесь ни к чему» У меня была двойная роль: российское руководство рассматривало меня как своего агента внутри КГБ, а руководство КГБ СССР как своего агента, внедренного в стан российского руководства. До поры до времени я эту роль выдерживал, хотя в

С женой на вечере в Московском Английском клубе

протоколах, документах определяющей для меня была в тот момент воля Б.Ельцина. И так шло до мая 91-го года, когда, наконец, был подписан Протокол об образовании КГБ России.

Меня не сразу назначили председателем КГБ, были другие кандидатуры, сделали первым замом и возложили на меня исполнение обязанностей. Дали аж 13 подчиненных, поскольку Крючков не хотел усиливать российское руководство мощным инструментом с оперативно-розыскными возможностями. Как бы там ни было, а пошел такой длительный период перетягивания на себя одеяла, то есть функций, штатов, даже по деньгам нас постоянно вязали. На дворе стояло лето 91-го года. Б.Ельцин поставил передо мной задачу: провести совещание руководителей органов КГБ, которые работают в России, чтобы они почувствовали, что должны подчиняться российскому руководству. Мы вышли с таким предложением, Крючков отказать не смог, и мне пришлось выступить с докладом. Тут уж пришлось все маски сбросить. В этом докладе я уже четко сказал о том, что необходима департизация, деполитизация органов, мы не должны подчиняться партийным догмам, у нас должно быть одно знамя – профессионализм. Резко высказался я и по поводу фаворитизма в кадровой политике. Б. Ельцину мое выступление понравилось, а Крючков и его замы вычеркнули меня из списка лояльных людей. Тут уж я попал под колпак.

Три дочери и внучка

Наступил июль месяц, дело катилось к путчу. Вокруг меня образовался вакуум, никакой информации не давали. Часто потом ставили в вину: почему я прозевал путч, хотя его прозевали многие помощники Крюčkова, на информацию которых я рассчитывал. В то время и Ельцин, и Назарбаев ставили условие Горбачеву: на своих должностях не должны остаться Крючков, Янаев, Язов и т.д. Крючков, понятно, информацию об этом получил при помощи техники прослушивания. Это и подтолкнуло их к той авантюре, которую они затеяли.

19 августа я одним из первых приехал в Белый дом. На Лубянку не поехал, потому что почувствовал, что оттуда могу не вернуться. Как могли наладили информационное обеспечение руководства России. Потом вместе с Бурбулисом и Скоковым организовали по телефонам сильное психологическое воздействие на руководителей среднего звена спецслужб, на войска МО и МВД с тем, чтобы они не шли против своего народа и во избежание возможных жертв. Я дважды разговаривал с Виктором Карпухиным – командиром группы «Альфа», так как реально представлял, что это боеспособное подразделение запросто может раскидать все окружение Белого дома.

Дальнейшее известно. Выстояли. И тут уже ситуация поменялась. Если до путча я был нужен, поскольку противостоял КГБ СССР, то потом на повестку дня вышла другая проблема – нужно было отстранить от власти Горбачева. Борьба перешла в другую плоскость и я оказался не у дел. Появились другие фавориты – В. Баранников, который был очень близок к президенту, А. Коржаков – также испытывавший ревность. У меня с ним тогда были хорошие отношения, остались они и сейчас, но из песни слова не выкинешь. Они ревновали, разводили, как сейчас говорят. Подбрасывали такую информацию, которая выставляла меня в невыгодном свете. Президент не всегда со мной соединялся. Вы знаете, это всегда психологически трудно пережить подобную ситуацию. А где-то в конце сентября я узнал, что на встрече с лидерами Большой семьи Ельцин, уж не знаю по чьей под-

сказке, сказал, что он ликвидирует КГБ. При нашей очной встрече я спросил его, что он имел в виду. «Я решил слить КГБ и МВД», – ответил он. На что я возразил, что это несливаемые вещи и по функциям, и по управляемости: в органах КГБ работает 20 тысяч человек, в МВД – 750, и что это все равно, что камень в болото бросить. Он довольно в резкой форме меня оборвал, не понравилось ему мое, как он посчитал, фрондирование: «Если Вы не согласны, то мы найдем другого руководителя». Стало понятно, что моя песенка спета. Но как бы там ни было, а мы все-таки написали новую концепцию относительно органов, Положение об Агентстве федеральной безопасности (АФБ). Прошел я и в состав правительства Гайдара. 14 ноября я был назначен министром РФ, а 26 ноября был подписан указ о преобразовании КГБ России в АФБ. Но я-то ведь знал, что дело идет к слиянию и образованию МБВД. Поэтому как мог этому противодействовал: и записки писал, и окружение Ельцина обрабатывал, и с депутатами беседовал. И тем не менее 19 декабря, аккуратно под день ЧК, такой указ вышел – о создании МБВДэйки, как мы тогда говорили. А перед этим, как пыльным мешком по голове, грянуло Беловежское соглашение. Очевидно, я здесь совершил ошибку: повел себя не как законопослушный чиновник, а как оппозиционер. Собрал группу дружественных мне депутатов, сказал им, что сейчас остается только один выход – подавать заявление в только что созданный Конституционный Суд. Такое заявление было ими написано. Встретился я с В. Зорькиным – тогдашним председателем КС. Как я понимаю, у него было большое желание и самому утвердиться, и с первых шагов поднять роль Конституционного Суда. Заявление он принял, назначив слушание на январь 92-го года. В это время я был в отпуске и выступал на суде уже как свидетель, но выступал против. Короче говоря, суд отменил этот указ президента. После этого, понятно, что я вообще попал в черный список. Но АФБ – мое детище – воссоздано не было. Быстренько написали новое положение и создали Министерство безопасности (МБ), а министром назначили В. Баранникова. Меня же отчислили в резерв. Какое-то время сохраняли кабинет, потом потихонечку оттуда выжили, отобрали машину, то есть дали понять: давай, мол, двигай отсюда. Таким образом, в мае 92-го года я был уволен по сокращению штатов. В 43 года я стал генералом – это взлет карьеры, а в 44 года моя карьера как бы закончилась.

– Это как американские горки...

– Да, непросто эти горки мне дались, поскольку сразу же в ушах наступила оглушающая тишина. А на дворе между тем началась либерализация цен и сумасшедшая инфляция. Те деньги, которые мне выдали как выходное пособие, мгновенно сгорели. На пенсию, что назначили, жить стало невозможно. В это время стала создаваться нефтяная компания «ЮКОС», меня пригласили пойти туда. С президентом компа-

нии – С. Муравенко я был знаком еще по Нижневартовску, он меня пригласил и я ему за это очень благодарен. В общей сложности я отработал там шесть лет, начиная с апреля 1993 года. Какие функции выполнял? Ну, какие еще функции может выполнять отставной генерал КГБ? «Крышу держать», понятно, да? Защищаться от криминала, от корумпированных чиновников, чтобы они в пользу других представителей бизнеса не устанавливали правила игры. Занимался и связями с общественностью, региональными вопросами.

Что такое «ЮКОС» – 93-95гг.? Это романтическая пора становления российского бизнеса, это тесное переплетение нормального бизнеса с криминалом. Приходилось, конечно, повсеместно проводить водораздел, отгонять криминал. Постепенно в «ЮКОСЕ» я почувствовал, что исчерпал себя. Спасибо компании за то, что я ушел от нищеты, стал акционером, поправил свое материальное положение, уверенно смотрю в будущее. Ведь разгрести смесь белого и черного бизнеса, отгонять криминал, «держат крышу» устает. Просто устает, понимаете, да? Уступил место другим, отошел в сторону. Попытался восстановиться на госслужбу.

Сейчас работаю вице-президентом Фонда развития парламентаризма в России, занимаюсь мониторингом законодательного процесса. Это многих у нас в стране интересует, поэтому находится и финансирование. Мы работаем над проблемой большей прозрачности законодательного процесса, цивилизованного лоббизма. В частности, наш Фонд выступил инициатором открытия сайта Госдумы в Интернете. Есть сейчас такая идея, чтобы вся деятельность Госдумы и ее комитетов отражалась на отдельных страничках в Интернете в режиме реального времени. А чем это плохо? Сразу видно кто что лоббирует, какие законопроекты появляются. Кроме того, я вступил в Независимую Ассоциацию «Гражданское общество», и считаю, что это очень благородная задача – содействовать становлению гражданского общества у нас в России. В Ассоциации мы активно занимаемся благотворительностью.

– Чего, на Ваш взгляд, у нас не хватает для построения истинно гражданского общества?

– Исторического времени. Это же нам не индустриализация, не коллективизация. Гражданское общество создается столетиями. Должен вырасти определенный культурный слой, у людей должна появиться правовая культура и, безусловно, власть со своей стороны должна этому содействовать. До сих пор я видел обратное. Власть всячески пыталась постоянно создать такой режим, при котором можно было всю задеять административные ресурсы, играть в клановые игры. Сейчас всю вину сваливают на олигархов. Да не в олигархах дело, а в людях, стоящих у власти. Олигархи играют по своим правилам. Если у власти есть воля, то она заставит их играть по тем

правилам, которые нужны государству. Олигархи – это те же бизнесмены, им нужна прибыль. Так не позволяйте олигархам покупать власть. Все. В настоящее время появилась надежда на то, что у власти и воли, и жесткости будет больше. С другой стороны у нас очень разрегулированное общество на сегодня, тяжело придется и новому президенту, и новому правительству. Тем более можно чересчур увлечься государственным регулированием и опять вернуться к распределительству. – а это страшно. Нужна экономическая свобода как можно для большего числа участников

У нас уже настолько сейчас выработан ресурс у всей экономики, техники, что мы стоим на грани огромных техногенных катастроф. Нам просто необходимо создавать сейчас нормальный инвестиционный климат, поднимать производство. Без этого мы будем от одного чрезвычайного происшествия шараться к другому. И я очень надеюсь, что сработает та схема, которая была в свое время в Испании после падения режима Франко, когда все самые влиятельные силы общества сели и договорились: давайте прекратим драку во имя вытаскивания экономики из кризиса. Что-то подобное и нам надо сделать. Я надеюсь, что у Путина хватит воли собрать всех для решения этой задачи. У меня трое детей, уже и внуки есть. И мне безразлично какую страну мы им оставим.

Анатолий МАЛЮГИН

Волейбол для
перворазрядника
Иваненко – одно
удовольствие!

